

УДК 811.161.1

DOI 10.52452/19931778_2023_3_181

ЛИБЕРАЛИЗМ В СВЕТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО ГУМБОЛЬДТИАНСТВА

© 2023 г.

С.Г. Павлов^{1,2}, Е.И. Бударagina²¹Национальный исследовательский¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 13.05.2023

На основе идей В. фон Гумбольдта представлен опыт лингвоаксиологического анализа экстралингвистического материала. Цель работы – описать языковые репрезентанты концепта «либерализм» в рамках гумбольдтианских представлений о языке-духе. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью лингвистического осмысления дискуссионных социально-политических феноменов. Обоснован тезис о том, что язык, отражающий в своих единицах совокупную волю большинства, служит наиболее объективным маркером национального самосознания. Предложено понятие «аксиологический лейтмотив». На конкретном языковом материале показано его наличие в словах самой разнородной семантики. Продемонстрирована национально-специфическая концептуализация языком-духом референтной ситуации и превращение её в смысл. Языковая концептуализация имеет семантическую и аксиологическую преемственность, что устанавливается диахроническим исследованием. В частности истоки отношения российского общества к либерализму могут быть выяснены по словам *человек* и *свобода*, внутренняя форма которых восходит к общеславянскому периоду. Предложено объяснение современного нетерминологического использования лексемы *либерализм* и его дериватов. Посредством различных типов репрезентативных контекстов выявлены некоторые национальные приоритеты носителей русского языка в социально-политической области.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, аксиология, либерализм, семантический лейтмотив, аксиологический лейтмотив, история языка, репрезентативный контекст.

Введение. Постановка проблемы

Вторая половина XX в. ознаменовалась философским и методологическим поворотом лингвистики к антропоцентризму, многие идеи которого восходят к наследию В. фон Гумбольдта (1767–1835), в полной мере ставшего нашим научным современником. В середине 1990-х годов Р.М. Фрумкина сформулировала пути развития постструктуралистской лингвистики в виде парадоксального призыва: «Вперёд, к Гумбольдту» [1, с. 105]. Лингвистика XXI в. действительно продуктивно подтверждает его научные интуиции, наполняя сложную, а порой и довольно туманную гумбольдтовскую лингвофилософию конкретным языковым материалом.

Гумбольдт предложил деятельностную (энергетическую) концепцию языка: «Язык представляет собой постоянную работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [2, с. 70]. По Гумбольдту, язык не просто средство материальной манифестации «духа народа»: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более

тождественное» [2, с. 68]. Специфика языка в его форме: «Постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [2, с. 71]. Форма понимается Гумбольдтом в аристотелевском смысле – как сущность вещи. Она нематериальна и представляет собой общие принципы членения, категоризации и оценки фрагментов мира. Субстанцией, на которую направлена организующая деятельность формы, служат, с одной стороны, элементы психической (духовной) жизни – мыслительные процессы, чувства, волевые акты. С другой – членораздельный звук, фиксирующий результаты духовной деятельности в единицах поверхностной структуры языка.

Форма национального языка – это специфический, присущий только ему способ организации звуковой материи, не только формальной – фонетика, морфемика, словообразование, грамматика, но и ценностно-смысловой – лексическая семантика. На современном научном языке *форма языка* приблизительно соответствует термину «ментальность»: «Ментальность есть

мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [3, с. 11]. В настоящей работе используется термин более гумбольдтианского звучания – «язык-дух».

Язык-дух противопоставляется привычному для лингвистики термину «язык» (язык-код) как деятельность её продукту. Внешние впечатления для языка-духа всегда предстают в виде оформляемой им материи: «Действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [2 с. 73]. Психика («совокупность чувственных впечатлений»), неподконтрольная сознанию духовная энергия («произвольные движения духа») и звуковая оболочка подчиняются действию формы языка как своему конструктивному и организующему началу. Своеобразное направление деятельности языка-духа создаёт внешнюю форму языка – язык-код, включающий и собственно формальную сторону, и семантическую. Семантика является наиболее репрезентативным языковым материалом для лингвоаксиологии. Кристаллизованные в семантике результаты деятельности национального духа воздействуют на менталитет народа, формируют его ценностные ориентиры.

Понятия «своё» и «чужое» составляют фундаментальную бинарную оппозицию, служащую основным средством самоидентификации народа. В языке, как правило, сосуществуют исконные и заимствованные элементы. Однако для лингвоаксиологической диады «своё vs чужое» происхождение слова не релевантно. При лингвоаксиологическом подходе «своё» и «чужое» – это означаемое (явления экстралингвистической действительности, отрефлексированные национальным сознанием), а языковые единицы – означающее. «Своим» в языке становится то, что получает положительную семантику (и/или коннотацию), чужим – пейоративную. Иначе говоря, своё – ценности, чужое – антиценности. И то и другое осваивается языком-духом в процессе концептуализации действительности, закрепляясь в виде национальных ценностных предпочтений.

Аксиологический лейтмотив

Гумбольдтовское определение формы языка («постоянное и единообразное в деятельности духа») предполагает наличие некой семантиче-

ской и аксиологической результаты, присутствующей на разных уровнях языковой системы. Гумбольдт пишет о ней в присущем ему красочно метафорическом стиле: «В конкретном обозначении явно участвуют то фантазия и эмоции, руководимые чувственным созерцанием, то тщательно разграничивающий рассудок, то смело связующий дух. Одинаковый колорит, какой в результате приобретают названия разнороднейших предметов, выявляет особенности миропонимания той или иной нации» [2, с. 105]. По Гумбольдту, лексика («названия разнороднейших предметов») свидетельствует об «одинаковом колорите» номинаций.

Похожие мысли высказывает последовательная гумбольдтианка А. Вежицкая: «Такие ключевые слова, как *душа* или *судьба*, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него, мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный “клубок” установок, ценностей ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространённых сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» [4, с. 37]. Метафоры «одинакового колорита» и «свободного конца в спутанном клубке» получают современное звучание в термине Ю.Д. Апресяна *семантический лейтмотив*: «Реально “особый способ мировидения” проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы – морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими» [5, с. 7]. Мы ограничимся анализом лексического уровня, на котором семантический лейтмотив понимается как общий для ряда лексических единиц информативный компонент.

Осваивая действительность, язык-дух превращает референтную ситуацию (феномен, событие, артефакт) в смысл и кодирует его языковой формой. Один и тот же смысл представлен в разных языковых единицах. На тех же основаниях повторяемости можно выделить интегральную для некоторого множества слов ценностно окрашенную сему – аксиологический лейтмотив. *Аксиологический лейтмотив* – это гомогенный для ряда языковых единиц компонент семантики, фиксирующий определённую ценностную установку носителей языка. По аналогии с метаязыком модели «Смысл ↔ Текст» аксиологический компонент семантики языковой единицы мы обозначаем X (-/+), где X – метаязыковое имя аксиологического компонента, (-) – негативно оцениваемая в слове

реалия, (+) – положительно оцениваемая в слове реалия. Например, аксиологический лейтмотив «свобода» записывается LIV (+/–).

Аксиологический лейтмотив может быть внутренне присущ языковой единице (ингерентный лейтмотив) или актуализирован средствами контекста (адгерентный лейтмотив). Аксиологический лейтмотив LIV (+) ингерентно представлен в семантике изолированно взятых слов *свобода*, *воля*, *автономия*, *независимость*, *неподвластность*, *самостоятельность*, *самоуправление*, *суверенитет* и т.п. Излишне привести очевидные примеры, иллюстрирующие положительную окрашенность концепта «свобода» в русском языке. Заметим только, что каждая из данных лексем способна контекстуально пейоратизироваться.

Свобода в русской аксиосфере положительно на не безусловно. Квалификация говорящим уровня свободы как превышающего пределы допустимого обуславливает описание ситуации в терминах, содержащих аксиологический лейтмотив LIV (–). Ингерентный LIV (–) присущ, например, синонимическому ряду *распутиться*, *разболтаться*, *распоясаться*. Аксиологический лейтмотив LIV (–) эксплицитным образом представлен в толковании этих синонимов, куда входит наречие *свободно* – «начать вести настолько свободно, что это воспринимается как нарушение дисциплины или неуважение к личности или правам других людей» [6, с. 952]. Т.В. Крылова включает глаголы *распутиться*, *разболтаться* и *распоясаться* в более общий ряд слов с тем же лейтмотивом LIV (–): *бесчинствовать*, *хулиганить*, *буяннить*, *безобразничать*, *дебоширить*, *озорничать*, *баловаться*, *шалить*, *проказить*: «Все эти слова указывают на то, что субъект ведёт себя излишком свободно, игнорируя запреты и ограничения, принятые в обществе, и выражают отрицательную оценку его поведения» [6, с. 952].

Ингерентным будет LIV (–) и в некоторых случаях, когда словарные дефиниции не содержат слова *свобода* или его дериватов. Глагол *баловать* в Большом академическом словаре русского языка описывается так: «1. Перех. Воспитывать детей, потворствуя прихотям, шалостям, капризам и т.п.» [7, стб. 258]. Отсутствие слова *свобода* в описании не языковой, а метаязыковой природы. Вызвано оно не онтологической причиной, не семантикой слова, а языковыми средствами его дефинирования. В самой семантике глагола *баловать* отражено неодобрение поведения агенса, давшего пациенту слишком много свободы, что косвенно выражается деепричастием *потворствуя*: *потворствовать* – «Поощрять, не препятствовать

чему-либо недозволенному, предосудительному» [8, стб. 1594]. Адекватным будет и такое толкование глагола *баловать* – ‘воспитывать детей, предоставляя им излишнюю (чрезмерную, неподобающую) свободу’.

Разные авторы выбирают разный метаязык, сохраняя при этом единство оценки толкуемого слова и обозначенной им реалии. В Большом академическом словаре прилагательное *развязный* описывается через словосочетание *излишне непринуждённый*: «2. Излишне непринуждённый, фамильярно наглый в обращении, поведении» [9, стб. 219]. Замена слова *непринуждённый* на слово *свободный* не приводит к потере идентификации дефинируемой единицы. Так, Т.В. Крылова синонимический ряд *развязный*, *фамильярный*, *панибратский* описывает с использованием наречия *свободно*: «особенность поведения человека, который ведёт себя более свободно, чем позволяют в этом случае правила этикета» [6, с. 919].

Итак, ингерентным LIV (–) считается в том случае, когда слово *свобода* или его дериваты могут быть использованы в адекватной дефиниции, негативно описывающей дефиниендум.

Адгерентный LIV (–) актуализируется в контексте:

– *раскованный*, *вольный* – *Её раскованное поведение и вольные взгляды породили массу слухов и домыслов* (В.В. Катанян, «Прикосновение к идолам» (1998); НКР);

– *свободный*, *вольный* – *Правда, они (французы. – С.П., Е.Б.) народ свободных нравов. Я однажды сам видел картину, как в вагонах жёницину специально сажают мужчины на колени, целуются. Рассказывают и о более вольных сторонах жизни: в кабаре, ресторанах, кинематографах, «весёлых домах»* (митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох (1940–1950); НКРЯ); *модели, которые примеряли такие “свободные” наряды* [Кутафина];

– *раскрепощённый* – *Приходит ко мне однажды – ещё в советское время – человек, развязный такой, раскрепощённый* (митрополит Питирим (Нечаев). Русь уходящая (1993–2003); НКРЯ); *Кто-то скажет, что это вульгарно, но мы назовём это смелым – таким девушкам раскрепощённость только к лицу*¹.

Инвариантная ценностная установка аксиологического лейтмотива LIV (–) может быть сформулирована следующим образом: “нехорошо иметь, брать, давать, допускать, поощрять чрезмерную степень свободы”. Соответственно, субъект каузации LIV (–) (человек, социальная группа, общество, государство и т.п.) оценивается в национальном сознании негативно.

Связь концепта «свобода» с морально-этическими категориями отражается в имплицитном наличии LIB(-/+) и в концептах, непосредственно со свободой не связанных. Так, сравнивая концепты «успех» и его английский аналог «success», В.И. Карасик отмечает, что в русской культуре к людям, которые не добились успеха, относятся с жалостью, в английской – с элементом презрения [10, с. 239]. Для английского языкового сознания характерна «важность личных усилий, необходимость трезвой оценки обстоятельств и занятость делом» [10, с. 242]. В русском языковом сознании отношение к успеху связано «с такими приоритетами, как требование соизмерять земной успех и нормы справедливости и стремление к нравственной чистоте» [10, с. 242]. В полевой структуре концепта «успех» моральные требования находятся в центре, в «success» они смещены на периферию. Таким образом, на основании сравнения концептов можно с немалой долей уверенности полагать, что англосаксонская культура допускает большую свободу средств для достижения успеха, чем русская, и что русскими это оценивается негативно.

Язык-дух всегда осмысляет фрагмент действительности в соответствии со своим содержанием. Единство национального духа до известного предела унифицирует рефлексию даже глубоко самобытных индивидуальностей: «Вообще же творческая интуиция русских философов-классиков однонаправленна, несмотря на различные схемы научных школ, к которым они относились. Они, как *философы русские*, мыслили однозначно, разными словами говоря об одном и том же» [3, с. 3]. Общий у разных людей настрой мысли во многом создаётся единством системы аксиологических лейтмотивов, служащей инструментом познания и ценностной верификации. Происходит это следующим образом. Конкретная ситуация соотносится в сознании с эталонной ситуацией, закодированной в языковых единицах. Воспринимая некоторую информацию, носитель языка в выработанном языком-духом инвентаре номинативных средств выбирает наиболее адекватную с его точки зрения номинацию. Приведём характерный пример.

В 1924 г. шотландский педагог А. Нилл открыл в местечке Саммерсхилл «свободную школу», в которой ученики могли обращаться к старшим на «ты» (т.е. по имени, а не мистер / миссис), вставать и ходить по классу во время занятий и даже совсем не посещать уроков. Специфику взаимоотношений ученика и учителя в Саммерсхилл передаёт, такая, например, ситуация. Маленькая девочка, проходя мимо

директора, говорит: «Нилл – дурацкий дурак», это означает, как хорошо понимают оба: «Я тебя люблю»» [11, с. 205]. Подобная степень свободы абсолютно несовместима с русским менталитетом. Принцип А. Нилла «Свобода, а не вседозволенность» («Freedom, not permissiveness») воспринимается русским языковым сознанием как игра словами, потому что русская *свобода* для учащегося заканчивается раньше, чем английская *freedom*. Поведение воспитанников Саммерсхилла выходит за пределы русского представления о свободе и квалифицируется именно как *вседозволенность* по отношению к педагогу и *избалованность (испорченность, распущенность и т.п.)* по отношению к учащемуся. Подчеркнём: дело не в отсутствии эквивалента или возможности передать референтную ситуацию перифразой. Дело в том, что ситуацию национальный язык-дух оценивает специфически – через уникальную конфигурацию закреплённых в сознании народа идей и ценностей. В итоге носители разных языков смотрят на одни и те же вещи по-разному.

Либерализм

Э. Сепир, самостоятельно пришедший к тезису Гумбольдта о языке как интерпретаторе действительности, прогнозировал рост социальной значимости лингвистики: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится ли им это или нет, но они должны будут всё больше и больше заниматься различными антропологическими, социолингвистическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [12, с. 237–238]. Методика выявления аксиологических лейтмотивов релевантна и при решении выходящих за рамки лингвистики проблем. Рассмотрим их на материале лексемы *либерализм* и её производных.

Под либерализмом (лат. *liberalis* ‘свободный’) понимается философское и социально-политическое направление мысли, признающее главной ценностью индивидуальную свободу человека. Слова *либерализм* и *либерал* принадлежат к общественно-политической лексике и, как многие её термины, в определенных коммуникативных ситуациях приобретают оценочность.

Первые аксиологически значимые употребления слова *либерал* в русском языке свидетельствуют о его негативном осмыслении: *Я не либерал, не революционер – это всем известно! – и терпеть не могу тайных обществ...*

(О.И. Сенковский. *Вся женская жизнь в нескольких часах* (1833); НКРЯ); *Он либерал, якобинец – известное дело, – и т.д. и т.д.* (А.В. Никитенко. *Дневник* (1834); НКРЯ).

В русском языке история слова *либерал* начинается на фоне крайне консервативной государственной политики и закономерно приводит к вхождению его в ряд контекстуальных синонимов *революционер, якобинец* и т.п. В словаре 1847 года *либерал* определяется как «политический вольнодумец» и других значений не имеет [13, с. 233]. Либеральные мысли в то время становились предметом исповеди: *Я со слезами на глазах вчера каялся перед Господом Богом, чтобы простил мне Господь все грехи мои в это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт* (Ф.М. Достоевский, «Бедные люди» (1845)). В индивидуально-авторском употреблении слово *либерал* могло быть даже эвфемизмом вора: *...господин Келлер, человек непостоянный, человек пьяный и в некоторых случаях либерал, то есть насчёт кармана-с...* (Ф.М. Достоевский, «Идиот» (1872)).

В 1830-е годы впервые отмечается глагол *либеральничать*, пока в прямом значении ‘придерживаться либеральных взглядов’: *Вот вы теперь стоите на хорошей дороге: это гораздо лучше, чем попусту либеральничать...* (А.В. Никитенко. *Дневник* (1838); НКРЯ). Язык-дух в совокупности с социополитическими условиями российского общества приводит к пейоратизации глагола *либеральничать*. В советский период он стал обозначением чрезмерной снисходительности к нарушителям морального кодекса советского человека, трудовой, партийной дисциплины и т.п. В словаре Д.Н. Ушакова редакции 1935 года толкования носят оценочный характер, отражающий классовый подход к социально-политическим феноменам. Здесь появляется новое значение лексемы *либерализм*: «1. Система политических идей, взглядов и стремлений, свойственная идеологам промышленной буржуазии эпохи её подъема, отстаивающая, трусливо и непоследовательно, политические свободы в интересах «свободы приобретения» и эксплуатации пролетариата. <...> 2. Политическое или социальное движение либералов (в 1 и 2 знач.) (полит. истор.). <...> 3. Буржуазное щегольство терпимостью, свободолобием (устар. ирон.). 4. Преступная снисходительность, попустительство (нов., неодобрит.)». Далее следует иллюстрация из речи И.В. Сталина: *Либерализм в отношении троцкизма, хотя бы разбитого и замаскированного, есть головоуятие, граничащее с преступлением* [14, с. 56].

С момента появления в русском языке слова *либерал* и до 1991 года его пейоратизация была

обусловлена спецификой государственной власти с её преимущественно автократическим правлением. В период постсоветских демократических преобразований, когда либеральные идеи официально вошли в respectable часть политического спектра, термин «либерализм», казалось бы, должен был реабилитироваться. Однако этого не случилось. Более того, в нетерминологическом значении слово *либерал* приобрело у части носителей языка ингерентный LIV(-) и стало словообразовательной базой для бранных неологизмов *либераст* («шутл.-ирон. или груб. приверженец либеральных идей» [15, с. 73]) и более позднего *либерда* («Презрит. О приверженцах либеральных взглядов» [16]); *Нужно отчётливо определиться: ты за русских, сука, или за украинцев, либераст ты или ватник, разделяешь западные ценности или любишь своё...* (А.А. Ботев. *Лимитрофный человек* // «Волга», 2014; НКРЯ); *Слушай, Кассандра, хватит про либерду на кофейной гуще гадать* (А. Салуцкий. *Немой набат* // «Москва», 2019; НКРЯ)².

Интервьюируя экономиста А.Н. Илларионова, журналист Е. Черных недоумевает: «В конце 80-х мы зачитывались статьями экономистов о великом и всемогущем Рынке. Свято верили, повторяли как мантру – РЫНОК ВСЁ САМ РАЗРУЛИТ, ДАСТ НАМ ИЗОБИЛЬЕ, СЧАСТЬЕ. А уже в 90-х бранный словарь русского народа обогатился ругательствами «дермократ», «либераст» <...> Что же произошло?» [17]. А.Н. Илларионов ссылается на недооценку политических и экономических институтов. Данные факторы нельзя игнорировать, но подлинная причина инвективизации социально-политического термина *либерал* находится в ментальной сфере. Именно она определяет эффективность социальных механизмов. Американский советник постсоветских либерально-экономических реформ Дж. Сакс выразил это следующей аллегорией: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [Цит. по: 18, с. 106]. Дж. Сакс в частности отмечал, что реформаторы не учли специфики России, у которой были «столетия древней истории авторитарного правления без частной собственности» [Цит. по: 18, с. 105]. История имеет лингвистическое измерение. В нашем случае продуктивной лингво-исторической моделью будет гумбольдтианство.

В 1804 г. Гумбольдт пишет Ф. Вольфу: «Мне удалось открыть – и этой мыслью я всё больше проникаюсь, – что посредством языка можно обозреть самые высшие и глубокие сферы и всё многообразие мира» [19, с. 6]. На наш взгляд,

при мониторинге социокультурных феноменов лингвистический анализ иногда действительно имеет большую объяснительную силу, чем выявление политических, социальных или экономических факторов. Негативизация понятия «либерализм» во многом обусловлена инерциальной силой языка-духа. Аккумулированные в нём ценностные смыслы, за время своего бытования в национальной культуре превратившиеся в аксиологические лейтмотивы, на каждом хронологическом этапе становятся интерпретационной основой для осмысления новых реалий. В меняющихся исторических условиях язык-дух неизменно воспроизводит старые смыслы, связывая своё настоящее состояние с прошлым и одновременно закладывая вектор будущего развития.

Константы. Праславянский язык

Из поколения в поколение воспроизводимые в языке и культуре ценности приобретают со временем статус этнических констант. С.В. Лурье относит к этническим константам сущность культуры – этику. В её содержание входят представления о добре и зле, а также способах победы добра над злом [20, с. 56–57]. Вокруг ядра необсуждаемых ценностей формируется национальная идентичность. Естественным средством её сохранения и трансляции является язык-дух. В.В. Колесов отмечает: «Не мы живём в языке, как думают многие, а язык живёт в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [21, с. 124]. Исследование этимологии и истории слова наполняет генетическую метафору реальным лингвистическим смыслом.

В этимоне отражён сущностный, с точки зрения носителей языка, признак обозначаемого словом фрагмента действительности. По этимону реконструируется взгляд на реалию в момент её номинации, по истории слова – эволюция представлений о ней в последующих поколениях. Рассмотрим этимологию важнейших для идеологии либерализма слов *человек* и *свобода*.

Человек. Самая авторитетная этимологическая версия слова *человек* предложена в 1870-х годах немецким лингвистом Г.Ф. Циммером, согласно которому о.-с. * *čelověkъ* состоит из двух элементов – *čel-* и *věkъ*. Корень *čel-* восходит к и.-е. * *k^hel-* ‘род, клан, стая, рой, толпа’. Корень *věkъ* происходит из и.-е. * *weik-* ‘жизненная сила’, ‘энергичное проявление силы’, откуда лит. *vaikas* ‘дитя’, ‘потомок’, ‘мальчик’; латыш. *vaiks* ‘мальчик’, др.-прус. *vayklis* ‘сын’. Реконструируемое старшее значение о.-с. *

čelověkъ ‘дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана’ [22, с. 378]. Хотя данное этимологическое решение неокончательно, академик О.Н. Трубачев, ссылаясь на польского слависта К. Мошинского, вместе с ним полагает, что «для этимологии Циммера нет никаких препятствий ни в историко-фонетическом, ни в интонационном отношении. Толкование *čelo-věkъ* = ‘сын рода’ полностью оправдывается нашими знаниями общественного строя древних славян...» [23, с. 174]. Этимология слова *человек* свидетельствует о приоритете коллективного начала перед индивидуальным. В славянском мировидении человек не автономен. Он мыслится членом рода, звеном в цепи поколений. Он носитель не только индивидуальности, но ещё и прежде всего – традиций своей этнокультурной общности.

Свобода. Слово *свобода* восходит к тому же индоевропейскому корню, что и слово *свой*: и.-е. * *se-* : * *seue-* : * *se-* (: * *seo-*) > о.-с. * *svojъ* [22, с. 148]. У восточных и южных славян из понятия свободы выводится идея личности: и.-е. * *s(y)e-bho* : *s(y)o-bho* > о.-с. * *svoboda* > ст.-слав. *свобѣство* ‘личность’, ‘лицо’ и др.-русс. *собѣство* ‘свойство’, ‘существо’, ‘личность’ [22, с. 148], «где * *svobъ* от *svojъ*...», т.е. «положение свободного, своего члена рода» [24, с. 582]. Комментируя данную этимологию, П.Я. Черных выделяет важную особенность славянской концептуализации свободы: «Т.о., с понятием о свободе с самого начала связывалась идея принадлежности к своему коллективу, к своему роду, племени, к своей народности, – словом, к с в о и м» [22, с. 148].

При этом личность не теряет в коллективе своей значимости. Её свобода аналогична свободе хорового голоса, реализующего свою индивидуальность не по собственному усмотрению, но исключительно в рамках общей задачи. В культуре с такими исходными представлениями о человеке и свободе естественным образом формируются ценностные установки, ориентирующие на коллективизм и обязанности в противовес индивидуализму и личным правам. На всех этапах этногенеза русского народа наблюдается коллективистская и деонтическая философия, объективированная в семантике и коннотации многочисленных лексических, фразеологических, паремиологических единиц: *единоличник*, *индивидуалист*, *откалываться от коллектива*, *карьерист*, *качать права*, *священная обязанность (долг)*, *есть такое слово «надо»*, *на миру и смерть красна* и т.п. На этом историческом и ментальном фоне западное происхождение либеральных идей приводит к негативизации семантики и появлению адгерентной оце-

ночности слова *либерализм* и его производных, т.е. формированию в них имплицитного аксиологического лейтмотива LIB(-). Иначе говоря, либерализм порождает модели поведения, оцениваемые русским языком-духом как чуждые – слишком свободные и индивидуалистические.

По этимологии реконструируется древнейшее понимание славянами человека и свободы – жизнь по собственным законам, свободная от посторонних влияний. В свете языковых фактов с тысячелетней историей вопрос журналиста Е. Черных получает однозначный лингвистический ответ. Либерализм противоречит фундаментальным ментальным константам русского народа – представлениям о личности, коллективе, свободе в их национально-специфичной версии. И с этой данностью, как бы её ни оценивать, необходимо считаться всем, кто задумывается над проблемами исторического пути России.

Репрезентативные контексты

Будучи носителем национального языка-духа, отдельный человек тем не менее его заложником не становится. По Гумбольдту, каждому носителю языка свойствен индивидуальный язык-дух: «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке и что каждый человек обладает своим языком» [2, с. 74]. Уникальная комбинация личного опыта, актуализированная в личностных смыслах общеязыковой лексической семантики, до бесконечности индивидуализирует язык как социальный феномен. Кроме того, при анализе конкретной ситуации человек использует не только язык-дух. Ещё большее влияние на осмысление и оценку референтной ситуации оказывают культурно-информационная среда, мировоззрение, воспитание, уровень интеллекта и информированности, свобода воли, совесть индивидуума. Гумбольдтовская концепция неизбежно ставит вопрос о линии демаркации между индивидуальной и социальной аксиологией.

Семантические и ценностные компоненты слова *либерал* и его производных определяются политическими убеждениями говорящих. Так, именно в нетерминологическом значении прилагательное *либеральный* употребляется и с положительной коннотацией: *Р. Пикель, отмечая моё уничтожение..., высказал либеральную мысль: «Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов»* (М. Булгаков, Письмо Правительству СССР). *В понимании Артёма Василий*

Петрович представлял собой почти идеальный тип русского интеллигента – который невесть ещё, выживет ли в Советской России: незлобивый, либеральный... с мягким юмором... (З. Прилепин, «Обитель»).

Приведём показательный пример дискуссии в социальных сетях³:

– WOWAN, вот такие у нас "историки". *Обогатить свою же страну - это так либерально...*

– Георгий Евсеенков 10 д Любовь Маринина, *это не либерально. либерально это когда человек не использует искажённые факты а говорит только то что знает или живёт своим умом.*

Как отличать дух народа от индивидуального духа? Разделяемая большинством оценка входит в языковую единицу в виде ингерентной коннотации, обязывающей коммуникантов придерживаться языковой конвенции даже вопреки их убеждениям. Правда, в таких случаях, говорящий, как правило, прибегает к альтернативным способам описания ситуации и не даёт возможности проанализировать его высказывание. Собственно лингвистическая трудность состоит в том, что оценочность может быть адгерентной, нуждающейся в определённых контекстуальных условиях для её актуализации. Слово *либерал*, например, эксплицитно оценочным не является. Как можно убедиться, его аксиологически релевантное употребление определяется мировоззрением говорящего. Методическим средством выявления имплицитной оценочности служат репрезентативные контексты – контексты, дифференцирующие приемлемые, дискуссионные и неприемлемые высказывания на данном языке. Репрезентативные контексты позволяют выявить содержание национального языка-духа, в котором отражена совокупная воля большинства его носителей.

1) Парадигматические репрезентативные контексты

Самым существенным следствием российской апроприации либеральной идеи становится приписывание ей национальным сознанием устойчивого антироссийского характера. Этимологическое единство слов *свой* и *свобода* было основой формирования концепта «патриотизм» и его репрезентантов: *патриот, патриотичный, Родина, Отчизна, Отечество* и т.п. Системными антонимами *патриотизма* являются слова *космополитизм* и *коллорационизм*. Системным антонимом слова *либерал* всегда был *консерватизм*, что отражено в логичной контекстуальной оппозиции: *В необходимости этой свободы убеждены и либералы, и консерваторы* (В.А. Гольцев. Внутреннее обозрение [ноябрь] // Русская мысль, 1880; НКРЯ); *Он*

думал, что либералы и консерваторы отличаются друг от друга не меньше, чем женщины от мужчин (А.Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014; НКРЯ).

Если своя свобода осознаётся как патриотизм, то чужие рамки свободы могут быть осмыслены как непатриотизм. Именно это и наблюдается в истории слова *либерал*. В нём происходит семантическая метаморфоза, приводящая к возникновению оппозиции «либерал vs патриот»: *Значит, нулевой результат революции произошёл не от внешних препятствий, а только от собственной несостоятельности немецких либералов и патриотов* (М.А. Бакунин. Государственность и анархия (1873); НКРЯ); *Лидер, освежённый купанием, гневно заклеил РАО «ЕЭС» – и после казуса с подстанцией священный союз либерала и патриота обеспечен* (Максим Соколов. 16.VI–21.VI (2002) // «Известия», 22.06.2001; НКРЯ); *Это раньше мы все сидели в одном окопе, а сейчас разделились на либералов, патриотов, православных, рыночников, западников, государственныхников* (Василий Пригодич. Критика критики, или Постнеклассическая комедия (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 16.11.2003; НКРЯ); *С уверенностью, что всё плохое возможно, ... разделенные на страты и кланы, на «элиту» и «быдло», ... на «патриотов» и «либерастов», ... – мы дружно воплощаем парадигму воюющей страны* (В. Аплетаяев. Гражданское добивание // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011; НКРЯ); *...В котле одного из многочисленных интернет-форумов происходило словесное варение либералов и патриотов* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015; НКРЯ).

2) Репрезентативные контексты с метаязыковыми аксиоиндикаторами

Аксиоиндикатор – это слово, обладающее способностью тестировать другие слова на наличие и характер их оценочности. Будучи единицей естественного языка, аксиоиндикатор становится метаязыковым, выступая в качестве единицы языка второго порядка, выявляющей имплицитную оценочность тестируемого слова. Контекст получает тестовую репрезентативность именно за счёт наличия в нём метаязыкового аксиоиндикатора. В качестве иллюстрации рассмотрим конструкции с частицами *даже* и *-то*.

Частица *даже*. Аналитическое толкование: X делает P; другие делают P [пресуппозиции]; говорящий не ожидал, что X будет делать P [модальная рамка] [25, с. 514]: *По данной инициативе даже либералы заняли пророссийскую позицию*. Ср. * *По данной инициативе даже коммунисты заняли пророссийскую позицию*.

Частица *-то*. Аналитическое толкование: X делает P; другие не делают P [пресуппозиции]; говорящий ожидал, что X будет делать P [модальная рамка] [25, с. 514]: *Российских спортсменов обвинили в употреблении допинга. Вот либералы-то радовались*. Ср. *Российских спортсменов обвинили в употреблении допинга. * Вот коммунисты-то радовались*.

В обоих случаях политические убеждения коммуниканта нерелевантны при определении степени правильности приведённых высказываний. Языковая компетенция русофона, вне зависимости от его политической позиции, признаёт естественность фразы со словом *либералы* и крайнюю сомнительность, фактически невозможность, фразы со словом *коммунисты*. Это означает, что в национальном языке-духе либералы противопоставлены не столько другим позициям внутри политического спектра, сколько патриотам. Логически совместимые конъюнкции «либералы-патриоты» и «коммунисты-патриоты» в языке-духе реализованы асимметрично. В отличие от коммунистов, либералам отказано в патриотизме, и рассматриваются последние как принципиальные идеологические оппоненты России.

Заключение

Теоретические положения неогумбольдтианства стимулируют поиск ценностно окрашенной результаты языковой и духовной активности этноса. Эта результата, которую мы предлагаем называть *аксиологическим лейтмотивом*, представлена в языковых единицах самой разнотрансовой семантики. С лингвистической точки зрения национальная аксиосфера в высокой степени стабильна за счёт имеющих длительную историю в языке аксиологических лейтмотивов. Проанализированный материал русского языка обнаруживает наличие аксиологического лейтмотива «свобода» (LIV (–)), присущего целому ряду слов, в которых отражена ценностная установка русской культуры – «излишняя свобода деструктивна».

В неогумбольдтианской лингвоаксиологической модели «свобода» как концепт и “свобода” как аксиологический лейтмотив далеко не совпадают друг с другом. Концепт «свобода» почти безусловно положительно окрашен и противопоставлен концепту «несвобода». Однако ситуативное понимание свободы намного сложнее. Славяне общеславянского периода культивировали коллективизм, иерархически обусловленные идеи долга и обязанностей. Праславянские ценностные смыслы, транслируемые языком-духом, сформировали специфику

русского менталитета и русской культуры таким образом, что в них либеральные идеи главенства личности перед коллективом и свободы (прав) перед обязанностями встречают серьёзное сопротивление. Детерминологизация и сопутствующая ей инвективизация общественно-политического термина *либерализм* находит объяснение в рамках представленного в статье неогумбольдтианского лингвоаксиологического моделирования.

Примечания

1. Кутафина Е. 12 красавиц свободных нравов, примеривших слишком откровенные наряды [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kto-cto-gde.ru/story/12-krasavic-svobodnykh-nravov-primerivshix-slishkom-otkrovennyye-naryady/> (дата обращения: 13.12.2022).

2. В узусе встречаются и другие пейоративные дериваты: *Зацените как либерах разрывает. Жрут себе подобных при первой же возможности* (Телеграм-канал «Abbas Djuma» 6 декабря 2022); *То беда, что прямым текстом говоря, это совершенно либероидная среда на бюджетных деньгах* (Телеграм-канал «Захар Прилепин», 7 декабря 2022).

3. Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Список литературы

1. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца 20 века*. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 74–117.

2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

3. Колесов В.В. *Русская ментальность в языке и тексте*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 619 с.

4. Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.

5. Апресян Ю.Д. О Московской семантической школе // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1. С. 3–30.

6. Крылова Т.В. *Распуститься 4, разболтаться 3, распоясаться 2* // Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. и др. *Справочное издание*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

7. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 1: А–Б. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 767 стб.

8. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 10. По–поясочек. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960, 1774 стб.

9. *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 12: Р. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1676 стб.

10. Карасик В.И. *Успех и тщета: англо-русские параллели* // *Язык и действительность: Сборник*

научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: URSS, 2007. С. 237–243.

11. Гусинский Н.Э., Турчанинова Ю.И. *Введение в философию образования*. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. 224 с.

12. Сепир Э. *Положение лингвистики как науки* // Звегинцев В.А. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 231–238.

13. *Словарь церковно-славянского и русского языка*. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. Т. II: 3-Н. 471 с.

14. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 2. Л – Ояловеть. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 1040 стб.

15. Захарова Л.А., Шуваева А.В. *Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): Учебно-методич. пособие*. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.

16. *Новое в русской лексике. Словарные материалы* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://neolex.iling.spb.ru/node/10156#:~:text=Либерда%2С%20ы%20ж.%20сущ.%20собир.,украинские%20пропагандисты%20воюют%20не%20зря> (дата обращения: 28.03.2023).

17. Черных Е. «Рынок без правопорядка – это не капитализм, а сицилизм!». Часть 1-я [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kadet.ru/doc/Chernih.htm> (дата обращения: 13.12.2022).

18. Шенин С.Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2010. Т. 10. № 1. С. 99–107.

19. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

20. Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала*. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.

21. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // *Человек в зеркале наук*. Л.: ЛГУ, 1991. С. 106–124.

22. Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. 3-е изд. стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. *Панцирь – Ящур*. 560 с.

23. Трубочёв О.Н. *История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя*. М.: АН СССР, 1958. 211 с.

24. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

25. Апресян Ю.Д. *Исследования по семантике и лексикографии*. Т. I. *Парадигматика*. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

LIBERALISM IN THE LIGHT LINGUOAXIOLOGICAL HUMBOLDTIANISM

S.G. Pavlov, E.I. Budaragina

Based on the ideas of W. von Humboldt, the article presents the experience of linguoaxiological analysis of social material. The purpose of the work is to describe the linguistic representatives of the concept of «liberalism» in the framework of Humboldtian ideas about the language-spirit. The relevance of the problem is due to the need for linguistic understanding of debatable socio-political phenomena. The thesis is substantiated that the language, reflecting in its units the cumulative will of the majority, serves as the most objective marker of national self-consciousness. The concept of «axiological leitmotif» is proposed. Its presence in the words of the most heterogeneous semantics is shown on a specific language material. The national-specific conceptualization of the reference situation by the language-spirit and its transformation into meaning is demonstrated. Language conceptualization has semantic and axiological continuity, which is established by diachronic research. In particular, the origins of the attitude of Russian society towards liberalism can be clarified by the words man and freedom, the inner form of which dates back to the all-Slavic period. An explanation of the modern non-terminological use of the lexeme liberalism and its derivatives is proposed. Through various types of representative contexts, some national priorities of Russian speakers in the socio-political field have been identified.

Keywords: W. von Humboldt, axiology, liberalism, semantic leitmotif, axiological leitmotif, history of language, representative context.

References

1. Frumkina R.M. Does modern linguistics have its own epistemology? // *Language and science of the late 20th century*. M.: Publishing Center of the Russian State University, 1995. P. 74–117.
2. Humboldt V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // Humboldt V. von. *Selected works on linguistics*. 2nd ed. M.: Progress, 2000. 400 p.
3. Kolesov V.V. *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2007. 619 p.
4. Vezhbitskaya A. *Understanding cultures through the means of keywords*. M.: Languages of Slavic culture, 2001. 287 p.
5. Apresyan Yu.D. About the Moscow semantic school // *Questions of linguistics*. 2005. № 1. P. 3–30.
6. Krylova T.V. To dissolve 4, to loose 3, to unbelt 2 // Apresyan V. Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., et al. *Reference edition*. 2nd ed., corrected and expanded. M.: School «Languages of Slavic culture», 2003. 1488 p.
7. *Dictionary of modern Russian Literary language: in 17 vols*. Vol. 1: A–B. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 767 s.
8. *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols*. Vol. 10. Po-poyasochek. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960, 1774 s.
9. *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vol*. Vol. 12: R. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. 1676 s.
10. Karasik V.I. *Success and vanity: Anglo-Russian parallels* // *Language and reality: Collection of scientific works in memory of V.G. Gak*. M.: URSS, 2007. P. 237–243.
11. Gusinsky N.E., Turchaninova Yu.I. *Introduction to the philosophy of education*. M.: Logos Publishing Corporation, 2000. 224 p.
12. Sepir E. The position of linguistics as a science // Zvegintsev V.A. *The history of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. Part 2. M.: Enlightenment, 1965. P. 231–238.
13. *Dictionary of the Church Slavonic and Russian languages*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1847. Vol. II: Z-N. 471 p.
14. *Explanatory dictionary of the Russian language* / Ed. by D.N. Ushakov. Vol. 2. L – Oyalovet. M.: State in-t «Sov. encikl.»; OGIZ; State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1938. 1040 s.
15. Zakharova L.A., Shuvaeva A.V. *Dictionary of youth slang (based on the lexicon of students of Tomsk State University): Educational and methodical tutorial*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2014. 126 p.
16. *New in the Russian vocabulary*. Dictionary materials [Electronic resource]. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/node/10156#:~:text=Liberda%2C%20y%20j.%20such.%20sobir.,Ukrainian%20propagandists%20voyut%20One%20zrya> (Date of access: 28.03.2023).
17. Chernykh E. «A market without law and order is not capitalism, but Sicilism!». Part 1 [Electronic resource]. URL: <http://www.kadet.ru/doc/Chernih.htm> (Date of access: 13.12.2022).
18. Shenin S.Yu. Jeffrey Sachs and American aid to post-Soviet Russia: the case of «another anatomy» // *News Saratov University. A new series. Series: History. International relations*. 2010. Vol. 10. № 1. P. 99–107.
19. Ramishvili G.V. *Wilhelm von Humboldt – the founder of theoretical linguistics* // Humboldt V. von. *Selected works on linguistics*. 2nd ed. M.: Progress, 2000. 400 p.
20. Lurie S.V. *Metamorphoses of traditional consciousness. Experience in developing the theoretical foundations of ethnopsychology and their application to the analysis of historical and ethnographic material*. St. Petersburg: Kotlyakov Type, 1994. 286 p.
21. Kolesov V.V. *Reflection of the Russian mentality in the word* // *Man in the mirror of sciences*. L.: LSU, 1991. P. 106–124.
22. Chernykh P.Ya. *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vol*. 3rd ed. ster. M.: Russian language, 1999. Vol. 2. Pancir' – Yashchur. 560 p.
23. Trubachev O.N. *History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system*. M.: USSR Academy of Sciences, 1958. 211 p.
24. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*. In 4 vol. Vol. 3 (Muza – Syat) / Trans. from it. and additional by O.N. Trubachev. 2nd ed., ster. M.: Progress, 1987. 832 p.
25. Apresyan Yu.D. *Research on semantics and lexicography*. T. I. Paradigmatics. M.: Languages of Slavic cultures, 2009. 568 p.